

Остров

замок
Мекона

Киаленд

Кадир

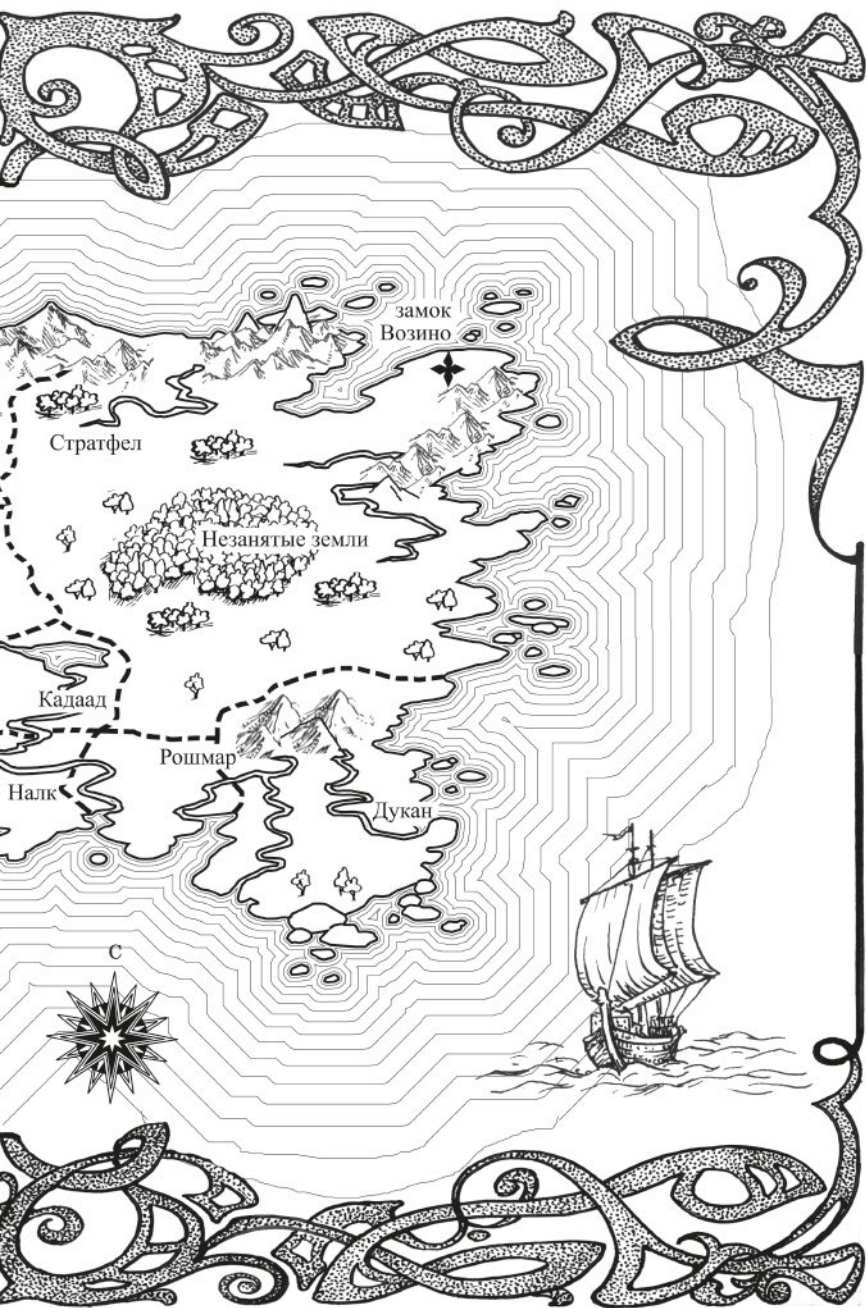
Халсгар

Монриа

Сибрал

Кейпор

Согре

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В то время как Анника только потянулась за спрятанным под кроватью мечом, Леннокс уже вытирал свой от крови.

Отдышавшись, он окинул пристальным взглядом склон. Еще три трупа в длинном перечне, счет которому давно потерян. Никто в армии Дарейна не мог похвастаться таким количеством отнятых жизней. Аннике, напротив, довелось пролить кровь лишь однажды. Да и то по чистой случайности. Однако немногие отважились бы бросить ей вызов.

Заметная разница между ними заключалась в том, что каждый делал то, что мог.

Аника выпрямилась на ноющих ногах. Походила, пока движения вновь не стали грациозными и плавными. Явившаяся на зов служанка согласилась, что походка вполне сносная. Анника села за туалетный столик, рассеянно глядя на край кровати, отражавшийся в зеркале. Спрятанному под кроватью мечу придется подождать денек-другой, однако сама перспектива нарушить хоть какие-то правила окрыляла.

Леннокс тем временем спрятал меч в ножны и в гробовой тишине спустился с холма. Каван порадуетесь новым трофеям. Чтобы не растерять с таким трудом завоеванных позиций, Леннокс из кожи вон лез, только бы не угодить в немилость. Когда война закончится — если она вообще начиналась, — королевство окажется в его власти.

Аника и Леннокс размышляли о грядущем дне, не подозревая ни друг о друге, ни о том, что вскоре их судьбы самым роковым образом переплетутся.

Точнее, уже переплелись.

ЛЕННОКС

По пути к замку я думал, куда завернуть в первую очередь: к себе или в столовую. Искоса глянул на свою одежду и сапоги, провел рукой по щеке. На ладони остались следы грязи, пота и крови. Да и рубашка выглядела не лучше.

Значит, сперва в столовую. Пусть полюбуются.

Я направился в восточную, самую запущенную часть замка Возино. Хотя, справедливости ради, прочая территория содержалась немногим лучше.

Возино достался нам, если так можно выразиться, с чужого плеча. Покинутый прежними обитателями, чьи имена канули в Лету, замок стал нашим временным пристанищем. Его немного подлатали, но по понятным причинам не спешили доводить до ума.

Переступив порог столовой, я увидел на почетном месте Кавана. Компанию ему, по обыкновению, составляла моя мать.

Никто не дерзнул сесть с ними рядом. Даже я никогда не удостоивался такой чести.

Остальные устроились, как им заблагорассудится, не соблюдая субординации.

Все взоры мгновенно обратились ко мне. С бесстрастным лицом я шагал по центральному проходу, рука покоилась на рукояти меча. Разговоры стихли, народ вытягивал шею, чтобы не упустить ни малейшей детали.

Мать заметила меня первой, в васильковых глазах мелькнуло недовольство. Когда люди вступали в наши ряды, наряды и платья заменялись своего рода униформой, и у большинства людей оставалось очень мало личных вещей. Но мать обратила ситуацию в свою пользу и всегда являлась к трапезе в новом наряде,

позаимствованном у бывших хозяев замка; более никто из женщин Возино не обладал такой привилегией.

Лицо сидящего справа от нее Кавана закрывал кубок, из которого он пил. Утолив жажду, он с грохотом поставил кубок на стол, вытер жесткую бороду грязным рукавом и, тяжело вздохнув, уставился на меня:

— Как это понимать? — Каван кивнул на мою забрызганную кровью одежду.

— Сегодня утром три дезертира предприняли попытку к бегству, — доложил я. — Распорядись убрать тела, пока волки не начали пиршество.

— И все? — скривился Каван.

И все?

Нет, не все. Это лишь очередное звено в длинной цепи подвигов, совершенных во имя нашего народа, во имя Кавана, во имя преданности. Молча, в забрызганной чужой кровью одежде, я стоял перед ним, надеясь, что меня наконец — *наконец!* — оценят по достоинству.

И никакой холодный прием не заставит меня отступить.

— По-моему, такой поступок заслуживает похвалы. В крошечной тьме справиться в одиночку с тремя молодыми, отлично подготовленными новобранцами. Предотвратить утечку информации и при этом не получить ни единой царапины. Впрочем, я могу и ошибаться.

— Ничего удивительного, — проворчал Каван. — Триста, угомони своего сына.

Мой взгляд метнулся к матери, но та молчала. Каван нарочно провоцировал меня, это доставляло ему огромное удовольствие. Однако на сей раз хладнокровие мне изменило, на языке вертелся дерзкий ответ. От непоправимой ошибки меня спас шум, поднявшийся снаружи.

— Дорогу! Дорогу! — кричал какой-то юнец, ворвавшись в зал.

Его вопли могли означать только одно: кто-то выполнил Задание и теперь возвращался с трофеями.

В дверях возник Олдрик с приспешниками. Каждый тащил за собой двух коров.

Каван издал гортанный смешок. Я посторонился. Момент был упущен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Олдрик был идеалом для Кавана. Могучие плечи и слабая воля. Спутанные русые пряди упали ему на лоб, когда он преклонил колени на том самом месте, где минуту назад гордо высился я. Позади него маячили двое солдат, придирчиво отобранные им для Задания. Оба перепачкались красным илом, один щеголял голым торсом.

Скрестив руки на груди, я наблюдал за происходящим. Шесть коров в столовой.

Разумеется, Олдрик мог оставить их снаружи, но как не похвастаться самой крупной, самой богатой добычей?

Спросите, какая самая скудная? Труп в джутовом мешке.

— О, великий Каван, я раздобыл полдюжины голов скота для армии Дарейна. Прими мое подношение в знак преданности и доблести, — проговорил Олдрик, не поднимая головы.

Кто-то заплодировал, предвкушая сытную трапезу. Хотя этим мясом не накормить и четверти наших людей.

Каван поднялся, придирчиво осмотрел коров. Покончив с осмотром, он хлопнул Олдрика по плечу и обратился к толпе:

— Что скажете? Довольны вы подношением?

— Да! — гаркнули все.

Ну, почти все.

Каван утробно расхохотался:

— Я тоже. Поднимись, Олдрик. Ты славно послужил своему народу.

Снова грянули овации. Присутствующие столпились вокруг Олдрика с товарищами. Воспользовавшись суматохой, я поспешил прочь. Можно только гадать, откуда умыкнули часть стада. Еще и гордятся! Мысленно я осуждал Олдрика, но стоило взглянуть на свою рубашку, как гнев моментально улетучился. Не мне упрекать его, не мне.

Такая у нас работа, и сейчас, когда работа выполнена, можно немного вздремнуть. Если единственная дорогая моему сердцу женщина в замке позволит.

Я отворил дверь, и Колючка тут же заскулила.

— Ну прости, прости. — Я подошел к небрежно застеленной кровати, погладил шерсть на макушке.

Колючку я подобрал совсем лисенком — раненую, покинутую стаей. И сразу почуял в ней родственную душу. Серые лисицы,

как правило, ведут ночной образ жизни — факт, который я усвоил на собственном горьком опыте, однако к моему приходу Колючка всегда просыпалась.

Она развалилась на одеяле. Я почесал ей животик, убрал деревянную заслонку с окна.

— Извини, не хочу, чтобы ты видела меня с мечом. Беги, если пожелаешь.

Колючка не двинулась с места. Я наклонился к маленькому щербатому зеркальцу на столе. Увиденное превзошло самые худшие опасения. На лбу запеклась грязь, щека забрызгана кровью. Смочив в тазу полотенце, я стер следы своих злодеяний.

Колючка расхаживала по кровати и — готов поклясться! — косилась на меня с тревогой. Серые лисицы относятся к семейству псовых и обладают поистине волчьим чутьем. Уверен, по одному только запаху Колючка догадывалась, кто ее хозяин и чем занимается. Однако, имея полную свободу приходить и уходить когда вздумается, она всегда возвращалась. Наверное, прощала.

А впрочем, какая разница. Главное, я сам не находил себе ни прощения, ни оправдания.

АННИКА

— Готово, госпожа. — Ноэми приколотла декоративную вставку к корсажу. — Последний штрих. — Она закусила губу, не решаясь продолжить.

Я выдавила из себя ободряющую улыбку:

— Выкладывай! С каких пор у тебя от меня секреты?

Ноэми нервно тербила темные кудри:

— Никаких секретов, госпожа. Просто размышляю, не рано-вато ли вы собрались встретиться с ним. Да и вообще с кем-либо. Она пожевала губу. Очередная милая привычка.

Я взяла Ноэми за руку:

— Завтра День основания. Народ должен лицедреть свою принцессу в добром здравии. Мое присутствие при дворе воодушевляет подданных, в этом и состоит мой долг. — Я опустила голову.

Будь Ноэми моей настоящей сестрой, то непременно возразила бы. Но слуги не спорят с господами, поэтому она лишь буркнула:

— Вам виднее.

Уложив мне волосы и расправив платье, Ноэми натянула на меня самые хорошие туфли и сопроводила до дверей.

Хотя вся моя жизнь прошла в этих стенах, я не уставала восхищаться замком Мекона, его распахнутыми окнами, огромными мраморными полами и бесконечными галереями. Но главное, здесь был мой дом.

Мои родители отказались венчаться в церкви и просто обменялись клятвами на лугу, раскинувшемся за крепостными стенами.

Я родилась здесь. Тут я произнесла первые слова, сделала первые шаги, получила первые впечатления. Все здесь наполняло меня гордостью и любовью к замку, к стране. Ради них я была готова на многое. Собственно, нет ничего, чем я бы не пожертвовала ради Кадира.

Я медленно направилась к обеденному залу, но у самых дверей замерла. Может, Ноэми права, может, еще слишком рано? Но меня уже заметили, отступить было поздно.

Эскал увидел меня раньше отца. Торопливо поднялся и двинулся мне навстречу. Очутившись в его объятиях, я впервые за долгое время улыбнулась по-настоящему.

— Я хотел тебя проведать, но Ноэми не пустила, — отбросив со лба непокорную прядь, шепнул он.

Мы с братом унаследовали от матери пепельно-каштановые волосы и карие глаза, в остальном Эскал был точной копией Терона Ведетта.

— Ты не много потерял. Какая радость слушать, как сестра кричит и сетует на судьбу. Да и потом, уверена, у тебя была уйма важных дел. — Я старалась говорить беззаботно, но вышло на редкость фальшиво.

— Ты очень изменилась внешне.

Я пожала плечами:

— Внутренне тоже.

Эскал шумно сглотнул:

— Значит, все решено?

Я кивнула и понизила голос:

— Отцу осталось назначить дату.

— Сядь перекуси. Булочки с корицей как рукой снимут любую печаль.

Услышав коронную мамину фразу, я, хихикая, приблизилась к столу. Мама хорошо разбиралась в лекарствах для израненной души. Солнечный свет, музыка, булочки с корицей...

Впрочем, радость длилась недолго. Поравнявшись с отцом, я присела в почтительном реверансе и затаила дыхание:

— Ваше величество.

— Анника, рад снова видеть тебя в добром здравии, — с нажимом произнес отец.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Одной фразы хватило, чтобы понять: тьма, время от времени окутывающая его разум, сегодня была особенно непроглядной.

Подавленная, я устроилась по левую руку от отца, посмотрела на придворных, тихонько поглощающих завтрак. Звяканье ножей и вилок по фарфору мелодией звучало на фоне приглушенного гула голосов. Свет, струившийся сквозь сводчатые окна, обещал погожий денек.

— Раз ты поправилась, пора поговорить о делах, — начал отец. — Завтра День основания. Николас приезжает сегодня вечером. Почему бы тебе сразу не предложить ему руку и сердце?

— Сегодня? — Хотя я и смирилась с неизбежным, но надеялась оттянуть момент. — Как вы вообще узнали, что я появлюсь при дворе?

— Ничего я не знал. Но ваш брак — дело решенное. Николас никогда не навевается во дворец без повода. Так зачем тянуть? Объяснишься с ним сразу после ужина.

Да, ловко он все обставил — не придерешься.

— А почему... предложение делаю я, а не он?

— Протокол. — Отец пожал плечами. — Ты выше его по статусу. — Он злобно прищурился, не готовый простить мою недавнюю дерзость. — Да и духом крепка не в меру. С тебя не убудет, если проявишь инициативу.

Мне хотелось кричать, хотелось умолять его вновь стать заботливым и любящим. В глубине ледяных глаз скрывался тот, кто понимал меня, видел во мне мамины черты. Я безумно скучала по тому отцу и из кожи вон лезла, чтобы не возненавидеть его новую ипостась.

Однако я истинная дочь своей матери. Ради нее на моих губах играет улыбка, а поступками руководит единственное стремление — сохранить семью, точнее, то, что от нее осталось.

— Вы правы, ваше величество. Не убудет.

— Вот и славно. — Отец снова склонился над тарелкой.

Эскал не обманул. Глазированные булочки с корицей горкой выселись на блюде и буквально манили к себе. Однако у меня начисто пропал аппетит.

ЛЕННОКС

Через несколько часов я проснулся. Колючка еще дремала, пристроив мордочку у меня в ногах. Интересно, почему она, по обыкновению, не улизнула туда, где пряталась сутки напролет. Наверное, чувствовала, как сильно я нуждаюсь в ней.

Сорванные еще утром ягоды лежали в поясной сумке. Я высыпал горстку на край кровати, переоделся. Заправил черные штаны в сапоги из черной кожи, поверх белой рубахи накинул черный камзол и плащ, хотя ездить верхом сегодня не собирался.

День выдался туманный, ветер ерошил мне волосы, пока я брел к полям.

Каменистая тропа спускалась к океану, где люди на утлых суденышках широкими сетями ловили рыбу. Другие убирали хлеб, жали снопы. В лесах, окружавших замок, росли фруктовые и ореховые деревья. Земля была плодородной. Жаль только, пахать на ней приходилось не разгибая спины.

Чуть поодаль лязгали мечи. Я направился к ристалищу, намереваясь предложить себя в качестве наставника. Однако небольшой отряд уже трудился под грамотным руководством Иниго, а значит, и тут во мне не нуждались. Закинув ногу на низкий деревянный бортик, я наблюдал, не затесался ли в ряды новобранцев какой-нибудь самородок.

— Это он, — донесся до меня чей-то шепот. — Сегодня утром зарубил троих дезертиров. Говорят, он глаза и уши Кавана.

— Именно ему поручают... разобраться со знатными пленными, — вторил приглушенный голос. — Даже у телохранителей Кавана не поднимается на них рука.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Каван, конечно, могуч, но не безжалостен, — подхватил третий.

— Интересно, он нас слышит?

— Если я глаза и уши Кавана, то мне полагается видеть и слышать все, — бросил я, не оборачиваясь.

И устремил взгляд на ристалище, в чем вскоре раскаялся. Стоило мне встретиться с человеком глазами, как он моментально отводил взгляд.

Я давно познал прелести «славы» и теперь гадал, доживу ли до истинного признания.

Тугой обруч сдавил сердце. Плевать на признание! Только истинное прощение способно притушить мою боль.

Я с бесстрастным видом наблюдал за спаррингом, но в голове царил сумятица.

— Кто-нибудь произвел впечатление?

Увидев рядом с собой Кавана, я выпрямился, стараясь не смотреть в его сторону, чтобы скрыть презрение.

Равнодушный к нарядам, Каван щеголял в старых кожаных доспехах. Смоляные волосы стянуты на затылке в неряшливый хвост, из которого выбилась длинная прядь. Если глаза достались мне от матери, то из-за шевелюры новобранцы часто принимали меня за сына Кавана.

— Рано судить.

Каван хмыкнул:

— На днях к нам примкнули двое из Сибрала.

Повисла пауза. Сибрал располагался далеко на западе и граничил с землями врага.

— От Сибрала до нас путь немалый, — заметил я.

— Немалый. Собственно, они шли наугад и даже не подозревали о нашем существовании, но с радостью завербовались за теплую одежду и кров.

— Не подозревали о существовании, — пробормотал я.

— Ничего, скоро все узнают. — Он наклонился, подтянул тяжелые штаны. — Насчет твоих утренних подвигов. Трое против одного — это достойно уважения. Но лучше заранее предотвратить побег, чем потом гоняться за беглецами. Больше проку. Нельзя разбрасываться людьми.

Я прикусил язык. Не моя вина, что крохотное королевство Кавана не оправдывает людских ожиданий.

— Твои варианты?

— Предупредить. Доходчиво и в красках. — Каван обратил взор к небу. — Слышал, вечером у тебя занятия с рекрутами? Вот и обрисуй им последствия.

Я со вздохом отвернулся:

— Да, господин.

Он хлопнул меня по спине:

— Вот и молодец! А пока понаблюдай. заметишь кого-нибудь стоящего, сразу сообщи.

Он зашагал прочь. Люди почтительно расступались перед ним. Передо мной тоже, но не с таким подобострастием. Пожалуй, отсюда можно извлечь ценный урок. Если меня отказываются признавать и прощать, пусть хотя бы боятся.

АННИКА

Аромат старых книг опьянял с порога, и тяжкий груз на душе стал чуточку легче. Я обвела взглядом библиотеку, не упуская ни малейшей детали, наслаждаясь ощущением мира и покоя, которым веяло от здешних стен.

Библиотека была истинным кладезем мудрости и знаний. Низкие стеллажи образовывали подобие лабиринта, а между ними стояли столы для чтения. Когда полуденное солнце било в окна, от зрелища захватывало дух. В такие часы особенно приятно засесть с книгой и греться, как кошка, в теплых лучах. Блаженство!

В дальнем конце огромного помещения стеллажи доходили до потолка, а вдоль полок с книгами наверху шла галерея, к которой вели высокие лестницы. От взгляда на эти лестницы у меня кружилась голова. Старинные фолианты крепились к полкам цепями. Если кто-то хотел вынести их из библиотеки, то должен был получить разрешение короля, а затем убедить Ретта, который охранял библиотеку как зеницу ока, исполнить высочайшую резолюцию. Наша литературная сокровищница не знала себе равных, а среди посетителей числились подданные соседних королевств. Под резными деревянными скамьями хранились ведра с песком — на случай пожара. Но эта напасть нас миновала.

Пока я умиротворенно глазела по сторонам, Ретт с добродушным смешком вывернул из-за высокого шкафа:

— А я все гадаю, куда ты запропастилась! — Водрузив стопку книг на ближайший стол, он заключил меня в объятия.

Ретт единственный во всем дворце общался со мной по-свойски, без всяких церемоний. То ли потому, что мы вместе росли,